

БЕСТСЕЛЛЕР THE NEW YORK TIMES

ЛЮБАЯ МЕЧТА СБЫВАЕТСЯ. ГЛАВНОЕ — ВЕРИТЬ

Дебби Макомбер — одна из лучших авторов в жанре любовного романа. Ее перу принадлежат более 150 произведений, многие из которых стали международными бестселлерами. Макомбер получила за свое творчество престижные награды “Romance Writers of America RITA Award” и “Quill Award”. Суммарный тираж книг Макомбер, переведенных на 23 языка, составляет 75 миллионов экземпляров.

Жизнь Шей Бенсон была далека от идеала. Спасая младшего брата, который увлекся наркотиками, девушка оказалась в тюрьме. Казалось, ее будущее перечеркнуто. Но по выходу из тюрьмы Шей встречает Дрю Дагласа. Мужчина недавно потерял жену и остался один с двумя детьми. Между Дрю и Шей зарождаются теплые, нежные чувства и взаимная симпатия. За время знакомства они становятся опорой друг для друга. Еще один шаг — и сбудется мечта о настоящем счастье и любви. Однако судьба подбрасывает Шей и Дрю новые испытания. Паре предстоит преодолеть их, не потеряв самое главное — любовь и веру в свою мечту.

Эмоциональная, романтическая и вдохновляющая история! Обязательно прочитайте! Судьба главной героини — это рассказ о мужестве и любви. Каждый читатель найдет здесь то, что давно искал.

RT Book Reviews

Дебби Макомбер никогда не разочаровывает. Роман радует и вдохновляет.

Library Journal

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4488-7

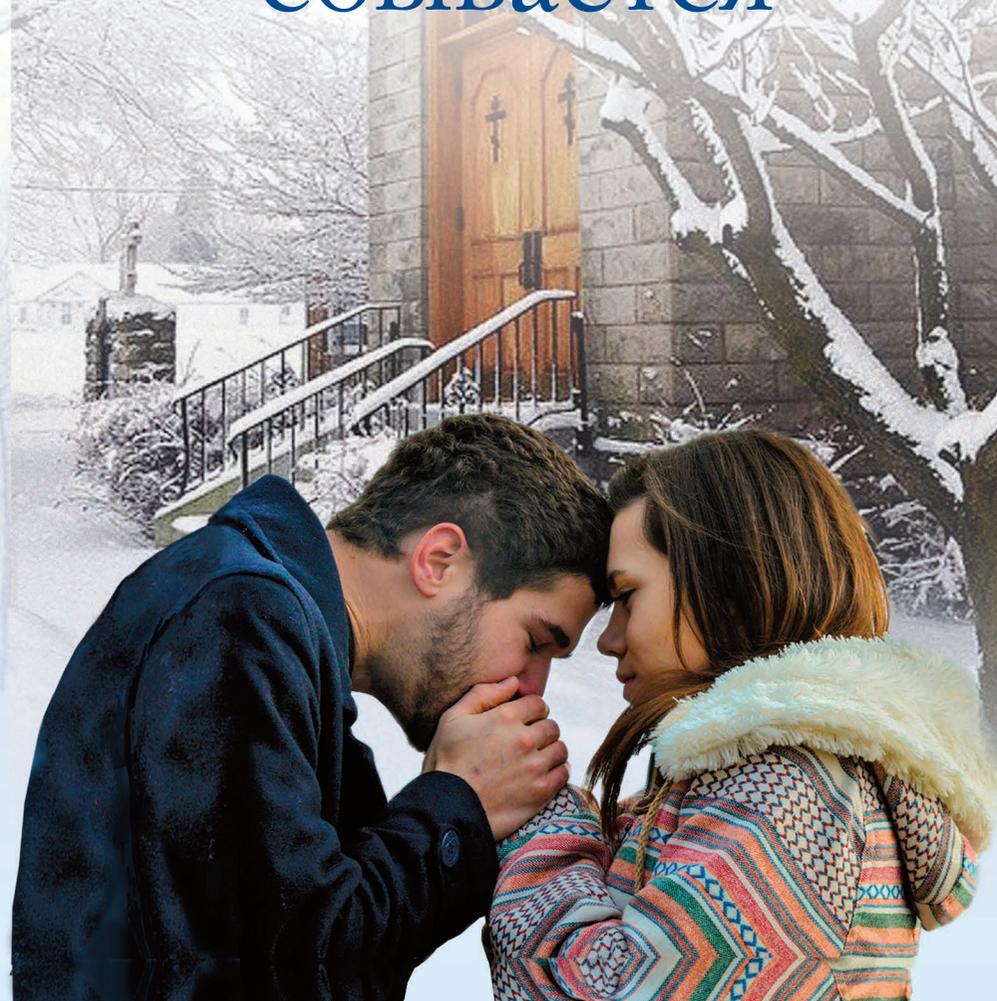
9 786171 244887

ДЕББИ МАКОМБЕР

Любая мечта
сбывается

ДЕББИ МАКОМБЕР

Любая мечта сбывается

**ДЕББИ
МАКОМБЕР**

**DEBBIE
MACOMBER**

*Any Dream
Will Do*

A NOVEL

ДЕББИ МАКОМБЕР

Любая мечта
сбывается

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2018 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111(73)
М16

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Публикуется при содействии “Ballantine Books”, an imprint
of “Random House”, a division of “Penguin Random House LLC”

Переведено по изданию:
Macomber D. Any Dream Will Do / Debbie Macomber. —
New York : Ballantine Books, 2017. — 336 p.

Перевод с английского *Татьяны Ивановой*

Дизайн обложки агентства «Тим+»

ISBN 978-617-12-4488-7
ISBN 978-0-399-18120-7 (англ.)

© Debbie Macomber, 2017
© Hemigo Ltd, издание на рус-
ском языке, 2018
© Книжный Клуб «Клуб Се-
мейного Досуга», перевод
и художественное оформ-
ление, 2018

Дорогие друзья!

Нам всем порой нужен второй шанс. А иногда и третий, и четвертый. Когда я вспоминаю, сколько раз за прошедшие годы пробовала различные диеты для похудения, то буквально сбиваюсь со счета.

Именно мысли о втором шансе помогли мне понять, что я хочу написать о нем свою историю. Читатели часто спрашивают, что вдохновило меня на ту или иную книгу. Идея этого романа посетила меня во время пребывания в тюрьме. Поймите меня правильно! Несколько месяцев назад я выступала в Вашингтонском исправительном центре для женщин (ВИЦЖ) и после этого поняла, что женщины, оказавшиеся здесь, мало отличаются от нас с вами. Все они совершили ошибки и расплачиваются за это.

Примерно в то же время, когда я посетила исправительный центр, моя семья начала тесно сотрудничать с «Союзом миссии слова Божьего и места надежды». Моя дочь Адель, которая является также моим генеральным директором, приняла участие в нескольких поисково-спасательных миссиях, связанных с потребностями бездомных. Некоторые мои коллеги присоединились к ней в этих ночных бдениях, чтобы помочь людям, живущим на улице.

Вот так и родилась эта книга — история об искуплении, о втором шансе, о том, как учиться на собственных ошибках и двигаться вперед. Я надеюсь, вы полюбите Шей и Дрю точно так же, как полюбила их я. Эта книга посвящается нашему замечательному зятю Грегу Бэнксу.

Чуть больше года назад Грег попал в аварию, и последующая операция оставила его наполовину парализованным. Это вынудило Грега и нашу дочь Джоди существенно изменить весь свой стиль жизни. Их вера, любовь и взаимовыручка не перестают каждый день меня поражать.

Отклики читателей были и будут для меня как для автора одной из величайших радостей в жизни. И, как я люблю повторять, я невероятно дружелюбна, поэтому, пожалуйста, пишите мне без всяких колебаний! Вы можете связаться со мной несколькими способами. Лучше всего оставить сообщение на моем сайте debbiemacomber.com, на «Фейсбуке» или в «Твиттере». Или же вы можете написать мне по адресу: P.O. Box 1458, Port Orchard, WA 98366.

*С наилучшими пожеланиями
Дебби Макомбер*

Лето 2017 года

Нашему зятю Грегу Бэнксу
В благодарность за силу, надежность и честь,
которыми ты благословил нашу семью

Пролог

— Мне нужны деньги.

В глазах моего брата отражалось отчаяние, какого я никогда раньше в нем не замечала.

— Шей, — взмолился он, — ты не понимаешь! Если к завтрашнему дню у меня не будет этой суммы, они меня убьют.

— Они? — переспросила я. — Кто *они*?

Но я знала.

Поджидая меня с работы, Кейден расхаживал у двери крошечной квартирki, в которой я жила с тремя соседками. Я не видела его уже несколько недель, и столь долгое его отсутствие ничего хорошего не предвещало. В некотором смысле я даже радовалась, что он исчез из моей жизни. Наконец-то я получила свой шанс, первый реальный шанс чего-то достичь, а брат вечно создавал мне проблемы.

— Расскажи, что случилось, — сказала я, отпирая дверь. Он последовал за мной в квартиру и с такой силой взъерошил свои волосы, что едва не вырвал с корнем несколько прядей.

— Это сложно...

С Кейденом всегда сложно. Я присматривала за ним с самого детства, но ведь иногда нужно думать и о себе. С неприятными ощущениями в желудке я поставила чайник на плиту, опасаясь того, что он мог мне поведать. Своими опасными связями Кейден обзавелся в основном через меня, точнее, через моего парня. Со Стрелком я упала ниже, чем собиралась, но благодаря одной из общественных программ сумела порвать с прежним образом жизни. И с помощью одного из кураторов я получила работу — хорошую работу в банке. Впервые в жизни у меня появилась возможность чего-то добиться. Убраться подальше от банд, наркотиков и той жизни, которая рано или поздно привела бы меня либо в тюрьму, либо в могилу. Я впер-

вые явственно представила, каким станет мое будущее, если я буду держаться подальше от людей, полных решимости утащить меня на дно. Я совершала ошибки. Серьезные ошибки, но теперь я изо всех сил старалась оставить их в прошлом.

Следовало догадаться, что ничего не выйдет. Только не у меня. Вот Кейден и явился напомнить мне, что я поселилась в воздушном замке.

— Кто угрожает тебя убить? — снова спросила я, уже зная ответ: кто-то из приятелей Стрелка.

Брат закрыл глаза и вцепился мне в плечо с такой силой, что наверняка оставил синяк.

— Тебе это известно.

— Ты снова связался с «Ангелами»? — Я неоднократно советовала Кейдену держаться подальше от банды, в которой не было ничего ангельского.

Он красноречиво промолчал.

Мои руки дрожали, когда я вынимала из шкафа чашки и тянулась за чайными пакетиками, стоя спиной к Кейдену.

— Сколько тебе нужно? — спросила я, сжимая зубы. Мне удалось отложить несколько сотен долларов. И оставалось только надеяться, что этого хватит.

Он помедлил, прежде чем выпалить:

— Пять тысяч.

— Долларов? — ахнула я. Цифра поразила меня настолько, что колени подкосились, словно утратив способность удерживать мой вес. Кейден определенно сознавал, что такая сумма выходит за рамки моих возможностей. Я была не в состоянии столько ему одолжить. — У меня нет таких денег.

— А ты можешь их где-нибудь достать? — взмолился он. Его темно-карие глаза, так похожие на мои, стали совсем бесшеными, а голос отчаянным. — Шей, я не шучу. Если я не отдам им эти деньги уже завтра, мне конец.

Изо всех сил стараясь оставаться спокойной, я заправила за ухо длинную прядь своих рыжих волос, лихорадочно пытаюсь что-нибудь придумать. Никто не даст мне в долг такую сумму наличными. Работая кассиром в банке, я едва сводила кон-

цы с концами. Мне нужно было платить за аренду квартиры и за бухгалтерские курсы, на что уходило почти все жалование. Чтобы отложить хоть немного, мне приходилось отказываться от обеда и есть лапшу быстрого приготовления на ужин.

Прежде чем я смогла объяснить, что на заем нечего и надеяться, Кейден предпринял еще одну попытку.

— А как насчет банка? — предложил он, не сводя с меня глаз.

Я почувствовала, как по спине побежали мурашки. Еще не ответив, я знала, что задумал Кейден.

Брат понизил голос, словно боялся, что кто-то подслушает нас через тонкие стены квартиры.

— Ты можешь взять деньги в банке? — спросил он.

— Ты имеешь в виду кредит? Нет, при моей зарплате такую сумму наличными мне никто не одобрит. У меня нет ничего, что сошло бы за годный залог. — У меня были права, но я пользовалась общественным транспортом, поскольку просто не могла позволить себе купить машину. Или даже мопед. Кейден об этом знал.

— Да не кредит, сестренка. Банк даже не заметит пропажи... по крайней мере несколько дней. Ты возьмешь деньги, но, прежде чем кто-то обнаружит, я принесу тебе их назад, и никто об этом не узнает.

Внутренности в животе стянулись в болезненный узел. Кейден явно знал, о чем просил. Впервые после смерти мамы я обрела надежду, и теперь он хотел, чтобы я рассталась с ней ради него. В банке, без сомнения, заметят недостачу, и не пройдет и пяти минут, как все поймут, что именно я взяла деньги.

Выпрямившись, я твердо решила, что не стану уничтожать свое будущее только потому, что мой бестолковый братик вляпался в такие крупные неприятности.

— Я не могу. В банке так не выйдет. Пропажу денег обнаружат в тот же день.

— Шей, прошу тебя... Ты же знаешь, что я не стал бы просить, не будь я в отчаянном положении.

— Прости...

Кейден стукнул кулаком по столешнице.

— Ты хочешь моей смерти?! — рявкнул он.

Я вздрогнула и попятилась, почти ожидая, что он ударит и меня. Именно так поступил бы наш отец.

— Я...

— Если ты мне не поможешь, ты подпишешь мне смертный приговор.

Чайник засвистел, когда вода закипела. Я сняла его с конфорки и заметила, как сильно дрожат мои руки. Кейден был моим братом, моим единственным живым родственником. Я присматривала за ним после смерти мамы и позже, после смерти отца, которая, впрочем, оказалась благословением, а не утратой. Несмотря на то что я уже многим пожертвовала ради Кейдена, я делала все, чтобы ему помочь. Но он, похоже, намеревался и дальше принимать наихудшие из решений. Мне хотелось отчитать его за слабость, но ведь я и сама была слабой. Я чувствовала себя ответственной за то, что познакомила его с «Ангелами».

— Где ты возьмешь деньги, чтобы вернуть их мне? — спросила я.

Кейден расхаживал по крошечной кухне, не обращая внимания на чашку с чаем, которую я предложила ему.

— Некоторые мне задолжали.

— Пять тысяч долларов? — спросила я, не в силах скрыть недоверие.

— Клянусь тебе жизнью нашей матери, к концу недели у меня будет эта сумма.

Наша мама была для нас всем. Буквально всем. Кейден никогда раньше не клялся ее жизнью. И я хотела ему поверить, но все еще сомневалась. Он подводил меня множество раз, и я очень сомневалась, что стоит ему доверять. Впрочем, это не имело значения. Даже если я верну эти деньги, я все равно потеряю работу.

Закрыв лицо ладонями, я рухнула на стул и зажмурилась.

— Дай мне подумать.

— Пока ты думаешь, время уходит. — Теперь в его голосе звучало больше злости, чем тревоги, он был в ярости, потому что я не согласилась на его план с первой секунды. — Ушам

своим не верю! Я же твой брат. Ты можешь спасти мне жизнь, и тебе *нужно об этом подумать?*

Я судорожно выдохнула.

— Это ты вляпался в неприятности, а не я.

Лицо Кейдена осунулось, словно я ранила его. Он рухнул на колени и прижался лбом к моим ногам, как делал в детстве, после смерти мамы.

— Я не знаю, как еще выкрутиться! — воскликнул он. — Шей, они меня убьют, и смерть моя будет медленной и страшной. Они сделают меня примером для других. И начнут с того, что переломают мне все кости, а потом... — Он заплакал, его плечи задрожали.

Я положила руку ему на спину, утешая.

— А разве «Ангелы» не могут подождать пару дней, пока ты соберешь деньги? — прошептала я, вдруг понадеявшись на то, что члены банды проявят благоразумие, когда узнают, что он вскоре вернет долг. Я зарылась пальцами ему в волосы, как раньше делала мама. — Неужели тебе нечего предложить в качестве залога?

Кейден медленно выдохнул.

— Я должен не только «Ангелам»... И те люди больше не хотят слышать никаких отговорок. Залог, на который они согласятся, — это либо моя рука, либо нога.

Я ахнула, и мне тоже захотелось плакать оттого, что мой младший братишка связался с гангстерами-ростовщиками. С настоящими акулами, разбойниками и преступниками. У меня и у Кейдена в этом мире не было никого, кроме нас самих. Если бы я оказалась в отчаянном положении, мне не к кому было бы обратиться за помощью, кроме как к брату.

— Ты сказал, что вернешь деньги в течение нескольких дней?

Он поднял голову с моего колена, глядя на меня широко раскрытыми и полными надежды глазами.

— Клянусь тебе, — сказал он, хватая меня за руку и прижимаясь к ней губами.

— Надеюсь, ты понимаешь, что случится со мной, если я это сделаю.

Он должен был осознать все последствия. В лучшем случае меня уволят с работы, которую я считала своим единственным шансом на достойную жизнь. В худшем меня посадят в тюрьму, даже если я верну деньги. Пропажа такой большой суммы не останется незамеченной.

— Шей, я обещаю тебе, ты не попадешь в тюрьму, — сказал он. — Я ни за что не позволю своей сестричке оказаться за решеткой.

Два месяца спустя я подписала чистосердечное признание в растрате, как посоветовал назначенный судом адвокат. Из камеры в Сиэтле меня препроводили в тюремный автобус округа Кинг и отвезли на нем через Такомский мост в Исправительный центр для женщин в Парди, штат Вашингтон.

Когда за мной закрылась тюремная дверь, этот звук громовым раскатом отдался у меня в голове, сотрясая все внутри. Дверь отрезала меня от любой надежды на достойное будущее, любой надежды исправить свою никчемную жизнь.

От какой бы то ни было надежды.

Меня приговорили к трем годам заключения. Я рискнула всем ради брата, и винить кроме себя мне было некого. После того как я отдала деньги Кейдену, я больше не видела его и ничего не слышала о нем. Его клятва оказалась пустышкой. Я знала об этом с самого начала и все равно ему поддалась. В глубине души я признавала, что ему нельзя доверять. Он даже не собирался выполнять обещанное, и за это приходилось расплачиваться мне.

Я помогла Кейдену, но разрушила свое будущее и приговорила себя к жизни, которой ранее всячески пыталась избежать.

Все было потеряно.

Все шансы на достойное существование.

Вся надежда.

Не знаю, почему я вдруг решила, что могу претендовать на нечто большее чем постоянные лишения и боль. Ведь даже когда я пыталась поступать правильно, судьба все равно наказывала меня.

Глава 1

Шей

Три года спустя

Из Вашингтонского исправительного центра для женщин в Парди меня выпустили в полночь первой недели декабря. Как выяснилось, штат Вашингтон не собирался оплачивать мое содержание ни минуты дольше необходимого. Никто не встречал меня у ворот тюрьмы. Все друзья, которыми я обзавелась за время работы в банке «Пасифик», сразу от меня отстранились, и я их за это не винила. Моим единственным родственником был брат, из-за которого я и оказалась в тюрьме.

За все три года заключения я не получила от Кейдена ни одного письма. А первое же письмо, которое я ему отправила, вернулось с пометкой, что он переехал и не сообщил нового адреса для пересылки почты. Мне не следовало удивляться. Насколько я поняла, он взял те пять тысяч долларов и сбежал в Мексику. Уверена я была только в одном: он не испытывал ни тени вины за то, что со мной сделал.

Меня поглощала, съедала заживо горечь. Странно, что я не нажила себе язву за все те ночи, когда лежала без сна и прокручивала в голове последнюю сцену с Кейденом. Какой же идиоткой я была, когда позволила уговорить себя на преступление ради него! Ради спасения его жизни. Ага, как же. Кейден упустил свое призвание. Ему стоило стать актером, потому что его талант был вполне достоин премии «Тони».

В тюрьме я, насколько это было возможно, держалась сама по себе; посещала бухгалтерские курсы, хотя с моей статьей это, наверное, была пустая трата времени. Я искренне сомневалась в том, что какая-нибудь компания рискнет меня нанять. Что касается планов получить диплом бухгалтера-ревизора, то этот поезд уже ушел. Я могла надеяться разве что на место

горничной в отеле или посудомойки в ресторане. Как бы то ни было, а мне понадобятся жилье и работа, причем срочно.

Ну да. Как будто я могла об этом мечтать.

Я знала, где находится ближайшая автобусная остановка, отправилась туда и прождала до рассвета в холоде и темноте. Я сидела там, промерзшая до костей, и ветер хлестал меня до тех пор, пока я не забралась в первый же автобус, готовый довезти меня до Сиэтла, расположенного за пятьдесят миль отсюда. Все, что принадлежало мне в этом мире, уместилось в одном маленьком чемодане. Весь мой капитал составлял несколько сотен долларов наличными. Я боялась тратить их на что-то, кроме самого необходимого, не зная, на какой срок мне придется их растянуть.

В течение почти всего срока заключения я получала письма от престарелой женщины по имени Элизабет. Она была учительницей на пенсии и работала волонтером «Тюремного братства», христианской организации, основанной Чаком Колсоном, тоже осужденным. В своих письмах Элизабет много рассказывала о Боге и своей жизни.

Меня не особенно интересовало и то и другое, но это была хоть какая-то почта. А я отчаянно цеплялась за любую связь со внешним миром. Так что я была ей благодарна, пусть эта старая леди и не имела ни малейшего понятия о моем существовании. Она обитала в лилейно-белом мирке, так не похожем на мой. Я читала ее письма, но пропускала мимо ушей все, что она пыталась мне сказать. Элизабет же, похоже, считала своим долгом надеяться на меня, поощрять и вдохновлять. Отвечая, я притворялась, будто верю ей, но я знала правду: слишком поздно. У меня не было будущего. Бедная старушка фактически просто бредила, не представляя себе, какова моя жизнь.

В своем последнем письме я объяснила ей, что, когда меня выпустят, у меня не будет ни дома, ни работы, ни семьи, которая могла бы меня поддержать. Ее ответ заставил меня рассмеяться. Она написала, что я должна довериться Господу и что она будет молиться за меня. Ага, ну да, ведь в прошлом это здорово помогало.

Засев за письмо, я быстро заполнила лист одними только вопросами. Сомнения изливались наружу, пока я не исписала страницу с двух сторон. Я выплеснула на бумагу все, что думала о несправедливости, которую мне довелось испытать, о том, как нечестно со мной обошлись: я выразила свою злость и все свои страхи. Моя рука едва поспевала за скоростью мыслей. Грифель карандаша несколько раз ломался, когда я слишком сильно давила им на бумагу, ругая Элизабет за наивность.

Эта женщина была просто смешна.

В конечном итоге письмо я так и не отправила. Зачем зря тратить марку? Вера Элизабет была размером с гору, а моя напоминала яму на дороге. Но эта женщина проявила ко мне доброту, и не стоило злиться на нее за непонимание моей ситуации.

В автобусе я провела три часа, пока он не остановился на Четвертой авеню, в самом сердце деловой части Сиэтла. Ровно столько времени понадобилось, чтобы тепло добралось до моих костей после долгого ожидания на декабрьском морозе.

Это был первый мой день на свободе, и мне совершенно некуда было идти. Мне негде было спать в эту ночь, некого попросить о помощи. Я вышла на тротуар и глубоко вздохнула. На том же тротуаре, привалившись к стене крытой автобусной остановки, спал бездомный. Через несколько часов меня вполне могла ожидать та же судьба.

Вдыхая запах свободы, я вынуждена была признать, что она пугает меня сильнее, чем что-либо пугало раньше, включая кулак моего отца. К собственному изумлению, подняв взгляд, я осознала, что автобус высадил меня прямо перед церковью.

Это было почти смешно. Церковь. Серьезно?

Но деваться мне было некуда, и я решила войти внутрь, надеясь, что внутри окажется тепло и никто меня оттуда не выгонит. У меня был список приютов в Сиэтле, но проводить там ночь я собиралась лишь в крайнем случае. Судя по тому, что мне рассказывали, приюты не принимали людей до наступления

ночи, а до темноты оставалось еще много часов. Церковь же представляла собой относительно безопасное место, где я могла переждать, пока что-нибудь не придет в голову.

Я поднялась по ступенькам и с облегчением обнаружила, что дверь открыта. Вообще-то я ожидала, что она будет наглухо заперта. И я явилась сюда не для того, чтобы молиться. Я всего лишь хотела укрыться от холода.

Оказавшись внутри, я направилась дальше, в темноту и пустоту. Остановилась в задней части и взглянула в сторону алтаря, который отсюда казался мрачной пещерой. Я была уверена, что, если позову кого-нибудь, голос вернется ко мне эхом. Обе стороны центрального прохода обрамляли ряды деревянных скамей.

Я бывала в церкви всего несколько раз в жизни. Однажды — с мамой, которая повела нас туда с братом в канун Рождества, мне тогда было года четыре или пять. Папа разозлился, когда узнал об этом, кричал на маму. Его ярость запомнилась мне лучше происходившего в церкви. Там мне дали маленькую Библию, но папа ее отобрал. Я хотела оставить ее себе и плакала, потому что у меня вовсе не было книг. Мама сказала, что однажды я получу другую, но этого так и не произошло.

Я стояла в центре церковного прохода. Здесь все выглядело совсем не так, как в церкви из моих детских воспоминаний. Та была маленькой и сельской, эта — большой и городской. Витражные окна пропускали слабый свет, падавший на плиты пола. Не зная, что делать дальше, я села на заднюю скамью. Рядом с алтарем была изображена сцена рождения Христа, и я сосредоточилась на фигурке младенца, чувствуя себя такой же беспомощной, одинокой и отчаявшейся, как новорожденное дитя. Слезы жгли мне глаза, но я не позволяла себе плакать. К этому времени я хорошо выучила, что эмоции — это слабость, и не осмеливалась показывать их за решеткой. Я видела, что случалось с женщинами, которые теряли бдительность и выказывали уязвимость, а потому была полна решимости никогда не попадать на их место.

И, как следствие, эмоционально я совершенно закрылась, оставаясь бесстрастной и равнодушной для всех, кроме избранных.

Просидев там с полчаса, глядя в пространство, я вдруг захотела встать и уйти. Не знаю, о чем я думала, когда направилась в церковь. Это была бессмысленная трата времени, но по какой-то неведомой причине я осталась сидеть.

Да, мне действительно некуда было идти, но мне следовало искать работу, что-то делать. Что угодно. Сидя в церкви, я никак не решила бы свои проблемы.

— У тебя есть что-нибудь для меня? — с вызовом задала я вопрос. Я не знала, к кому обращаюсь, да это и не имело значения. Все равно вопрос был глупый.

Это-то и плохо: я не провела на свободе и двадцати четырех часов, а уже начала сходить с ума.

Обессиленная, я подалась вперед и прислонилась лбом к спинке деревянной скамьи, отчаянно сопротивляясь желанию пожалеть себя. Я стала сама себе противна, когда глаза вдруг наполнились слезами. Ведь я была сильнее этого. Я медленно, судорожно выдохнула, чувствуя, как грудь сдавило от тревоги и страха.

И в этот миг что-то изменилось — что-то во мне. Я испытала странный покой или нечто на него похожее. Я так давно не чувствовала ничего подобного, что не сразу распознала это ощущение. Конечно, то могла быть игра воображения, но груз на моих плечах вдруг стал легче, и мне показалось, что тело само собой расслабляется.

Встряхнувшись, но желая еще раз испытать это странное чувство, я попыталась заговорить снова, однако поняла, что мне нечего больше сказать.

Я нуждалась в помощи, а также в наставлениях. Я ведь не ожидала, что Бог или кто-то другой раздвинет передо мной Красное море или дарует зрение слепому. Меня беспокоило только то, где мне удастся поесть и поспать в эту ночь. Сама мысль о том, чтобы спать на улице, приводила меня в ужас. Неплохо было бы также найти работу.

Чем больше я размышляла о ближайшем будущем, тем сильнее становилось напряжение. Тот покой, что я испытала ранее, оказался весьма мимолетным. Я закрыла глаза и выдохнула, пытаясь вновь отыскать его внутри.

Не вышло. И неудивительно. Но я всегда могла рассчитывать только на себя. И именно теперь мне надо было вытащить себя из болота за волосы.

Зря я пришла в эту церковь, я должна была сразу это понять. Церкви не предназначены для таких, как я. Чувствуя себя Индианой Джонсом из фильма, в котором тот должен был шагнуть в пропасть, веря и надеясь, что над ней из ничего появится мост, я начала вставать, и тут моя сумочка упала на пол с громким шумом, который словно раскатился по стенам церкви, как эхо по каньону. Я застыла на миг.

И только тогда я заметила, что нахожусь здесь не одна. В этой церкви был кто-то еще, стоя на коленях у алтаря. Когда моя сумочка упала, этот человек обернулся на звук.

А затем он поднялся, и я замерла на месте, когда он двинулся ко мне. Я совершенно не сомневалась: кем бы этот человек ни был, он попросит меня уйти. И я напряглась, полная решимости встретить его лицом к лицу. Если он собирался вышвырнуть меня на улицу, то я намеревалась сказать ему, что меня вышвыривали из мест получше этого.

Глава 2

Дрю

Я преклонил колени перед алтарем, разбитый и потерянный.

Пустой.

Моя жена была мертва, мои дети страдали, а моя паства удалялась от церкви. Все меньше людей приходило сюда каждую неделю. По сути дела, моя вера была уничтожена.

Стоя на коленях, я изливал свое сердце в молитве, взыскуя наставления и помощи. Я приступил к своим обязанностям священника с энтузиазмом и высокими ожиданиями. Хотел менять жизнь людей, писать книги, основанные на Библии, чтобы достучаться до сердец на пути веры.

Проблема, насколько мне удалось ее сформулировать, заключалась в следующем: я не мог отдавать того, чем не обладал сам. Я чувствовал себя обобранным, измученным и неуверенным. Смерть Кэти стала для меня и детей тяжким ударом — и это было понятно. Паства проявила ко мне терпение, много терпения, но прошло уже три года, а лучше не стало.

Горе притупилось, но теперь я смотрел на вещи иначе. Что-то изменилось.

Я был уже не таким, как раньше.

У меня не хватало сил на то, чтобы стоять в церкви каждую неделю и говорить то, что людям необходимо услышать. Я не мог никому помочь, поскольку не мог помочь самому себе. Я спотыкался на собственном пути, лишенный веры, лишенный доверия.

Просто лишенный.

Кто-то предположил бы, что я выгорел, но, по сути, я не мог разжечь пламя. Ничто не питало во мне огонь, в особенности за прошедшие три года. Я повесил голову, разочаровавшись

в себе, и молил Господа направить меня на истинный путь, показать мне, каких же действий Он от меня ждет.

Я склонялся к тому, чтобы подать пресвитерам заявление об уходе с должности. Такая возможность у меня, конечно, имелась, но ее последствия для меня и детей были бы очень существенными. Марк и Сара и так достаточно пережили, пытаюсь справиться с потерей матери. Меньше всего на свете они сейчас нуждались в том, чтобы лишиться единственного места, которое считали домом. К тому же в своем нынешнем состоянии я сомневался, что другая церковь согласится принять меня как своего пастыря, сомневался даже в том, стоит ли мне оставаться священнослужителем. Возможно, всем стало бы лучше, начни я искать совершенно иную карьеру.

Я говорил с Линдой Кинкейд, единственной женщиной в моей пастве, которая неустанно занималась волонтерством. Она была учительницей на пенсии и играла ведущую роль в жизни церкви. Эта женщина стала мне правой рукой вместе с моей помощницей Мэри Лу. И только благодаря им я держался на плаву так долго.

Линда была доверенным другом и прекрасно умела слушать. Не знаю, что бы я без нее делал. Это ее усердный труд позволил благотворительным программам работать без сучка без задоринки. Каждый раз, молясь, я благодарил Господа за нее и ее готовность прийти на помощь. Она предположила, что я не должен спешить. Однажды она сказала мне: если мне кажется, будто Бог от меня отдалился, на самом деле отдалился только я.

И в этом она попала в самую точку. Теперь мне нужно было найти путь назад.

Я продолжал молиться, когда услышал шум в дальнем конце церкви. Я не знал, что в храме присутствует кто-то еще. Поднявшись с колен, я увидел женщину, стоящую у последней скамьи. Даже с такого расстояния я заметил, что она выглядит как олень, захваченный врасплох светом фар. Глаза ее были широко распахнуты, и это натолкнуло меня на мысль, что она пришла сюда не с благими намерениями.

Я зашагал к ней, и у меня в ушах зазвенели предупреждения пресвитеров о риске, которому я подвергаю себя, оставляя дверь церкви открытой весь день. Они считали это прямым приглашением для бродяг и вандалов. Тогда я победил в споре, но теперь задумался, верным ли было мое решение.

— Я могу вам помочь? — спросил я. — Я Дрю Даглас, здешний пастор.

— Пастор? — повторила она так, как будто слово было для нее совсем непривычным.

— Чем я могу вам помочь? — повторил я, изо всех сил пытаясь скрыть свою предубежденность.

Чемоданчик у ее ног вызывал любопытство. Она не походила на туристку, а наша церковь, пусть одна из старейших в городе, не входила в число достопримечательностей Сиэтла.

Женщина с усилием сглотнула и ответила мне слабой улыбкой:

— Я как раз собиралась уходить. Не волнуйтесь, я не стану вам надоедать.

Она, похоже, нашла в себе мужество, и глаза ее дерзко сверкнули.

— Я здесь не для того, чтобы просить вас уйти.

Ее взгляд бросил мне вызов. Он говорил, что она не верит, будто я не возражаю против ее присутствия в церкви.

— Вам нужна помощь?

Она моргнула, словно всерьез удивленная этим вопросом.

— Нет... Мне ничего не нужно.

И вновь она заговорила дерзко, и голос ее был резким, а плечи напряженными. Она утверждала, что ни в чем не нуждается, но я знал, что она лжет. Пыталась выглядеть равнодушной, но я видел отчаяние в ее глазах. Эта женщина нуждалась в помощи, но гордость не позволяла ей просить.

— Вы не могли бы сказать мне, почему вы оказались здесь?

— Ах... нет, то есть да. — Она путалась в словах, словно не зная, с чего начать. — Автобус высадил меня прямо перед церковью.

— Автобус, — повторил я, не в силах проследить за ходом ее мыслей. Она вскинула голову, глядя мне прямо в глаза.

— Сегодня утром меня выпустили из тюрьмы.

И, словно ожидая, что теперь я точно ее выгоню, она потянулась к чемодану и повернулась к двери.

Несколько лет назад я проповедовал в тюрьме, но работал всегда только с мужчинами.

— Пожалуйста, не уходите, — сказал я и жестом указал на скамью. — Вы определенно пришли в церковь не без причины. Давайте поговорим.

Она помедлила, как будто меньше всего ожидала от меня таких слов.

— Это займет много времени? — спросила она с тем же резким неуверенным надломом в голосе.

— Вовсе нет.

Она пожала плечами, как если бы делала мне одолжение, и уселась на скамью рядом со мной. Не зная, с чего начать, я ждал, что заговорит она. Я был терпелив, зная, что, если буду ждать достаточно долго, она объяснит мне свои обстоятельства.

— Вы должны знать, что я осужденная преступница.

Я пожал плечами.

— Я и не думал, что вас бросили за решетку только за то, что вы неправильно перешли улицу, — сказал я, отмахиваясь от ее слов. И улыбнулся в попытке ее подбодрить: — Вам есть где жить?

Она вновь напряглась и покачала головой.

— Нет.

— А как насчет работы?

На этот раз она дольше медлила перед ответом.

— Нет.

Ее плечи опустились вперед, прежде чем она вновь быстро выпрямила спину. Для меня не составило бы труда просто пожелать ей удачи и отпустить. Она не ожидала никакой помощи, и, судя по всему, ей не хотелось отвечать на мои вопросы. Еще одна заблудшая душа, влетевшая в двери церкви. Я мало

что мог для нее сделать: мы не ведали приютом, и мои ресурсы были ограничены. Мне следовало пообещать молиться за нее и позволить ей уйти. Я открыл рот, чтобы поступить именно так, и вдруг понял, что не смогу. Даже зная, что пресвитеры не одобряют этого. Но я чувствовал, что не сумею отмахнуться от ее беды.

— Идемте со мной.

Она вскинула голову, словно заподозрив меня в скверном намерении.

— Куда вы меня ведете?

— У меня есть знакомые, которые, возможно, вам помогут.

Она поднялась, поморгала, а затем снова села. Прижав руку к сердцу, она выдохнула и резко побледнела.

— Мисс?

— Простите, у меня приступ головокружения. Я в порядке.

Приступ головокружения?

— Когда вы в последний раз ели?

— Вчера.

— Вас не кормили в тюрьме?

Глупый вопрос: я знал, что кормили.

— Я была не голодна.

Правда, скорее всего, заключалась в том, что она слишком нервничала перед освобождением и не смогла проглотить ни кусочка.

— Неудивительно, что у вас закружилась голова. — У нас была небольшая кухня в служебном помещении церкви, но продуктов мы там практически не держали, только кое-что для легких завтраков. — На нашей кухне найдутся сэндвичи. — Я не стал упоминать о том, что они предназначались мне на ланч.

— Мне ничего не нужно.

Эта женщина была слишком горда.

— Пожалуйста, мне не хотелось бы обижать Мэри Лу. — Когда она взглянула на меня с недоумением, я пояснил: — Это она приносит сэндвичи. Делает их мне на ланч и всегда добавляет несколько про запас.

— Она — ваша жена?

— Нет, моя ассистентка. Моя жена умерла несколько лет назад. Мэри Лу готовит мне ланч, дабы убедиться, что я хоть раз в день сделаю перерыв на обед. Так что вы окажете нам обоим услугу.

— Ага, конечно.

К моему предложению она отнеслась с настороженностью. Я сомневался, что кому-то удалось бы навешать лапши на эти уши.

И я зашагал к кухне, ожидая, что она последует за мной, а затем провел ее через боковую дверь, ведущую к моему кабинету.

Мэри Лу подняла взгляд от экрана компьютера и посмотрела на молодую женщину, сопровождавшую меня.

— Мэри Лу, я хотел бы представить тебе... — Я помедлил, осознав, что так и не спросил, как зовут эту женщину.

— Шей, — подсказала она. — Шей Бенсон.

— Здравствуй, Шей, — сразу же ответила Мэри Лу.

— Я познакомился с Шей в нашей церкви. Ты не проводишь ее на кухню? Мне нужно позвонить кое-кому.

— Конечно.

Мэри Лу поднялась из-за стола и повела гостью по узкому коридору, а я направился в свой кабинет.

— Да, Мэри Лу! — окликнул я ее. — Ты не достанешь заодно и сэндвичи? Шей присоединится ко мне за ланчем.

Мэри Лу согласилась без промедления. Она взглянула на Шей.

— Будьте добры, идите за мной.

Эта женщина была настоящим сокровищем. Та легкость, с которой она приняла мое решение отказаться от ланча, заставила меня ценить ее еще больше.

Войдя в свой кабинет, я закрыл дверь, сел за стол и потянулся к телефону. Как я чувствовал на тот момент, Шей могли помочь только в «Центре надежды», которым управляло агентство евангелистских миссий в нашем городе. У них были высокие стандарты, и это означало, что Шей придется пройти тщательную проверку и тест на наркотики.

Женская группа в церкви раз в месяц устраивала обед для жительниц «Центра», и я знал Кевина Форестера, директора, уже несколько лет. И уже не мог вспомнить, когда в последний раз мы с ним разговаривали. Пришло время это исправить. Я позволил слишком многому, включая дружбу, ускользнуть из моей жизни с тех пор, как потерял Кэти.

Всего через несколько минут меня соединили с Кевином.

— Кевин, — поздоровался я, — это Дрю Даглас.

— Дрю! — Судя по голосу, Кевин был искренне рад меня слышать. — Как ты, друг?

— Лучше, — сказал я, сильно преувеличивая. — Мне нужна услуга.

— Конечно. Что случилось?

— Сегодня утром я обнаружил в церкви заблудшую душу. — И я пересказал все то, что поведала мне Шей.

Кевин внимательно меня выслушал и спросил:

— Ты не знаешь, она принимала наркотики?

Я уже много лет не проповедовал на улицах, но не сомневался, что в состоянии распознать симптомы наркомании.

— Глядя на нее, я бы сказал, что нет, но уверенным быть не могу.

— Алкоголь?

— В целом она выглядит очень хорошо. Но опять же гарантий я дать не в состоянии, хотя, как и сказал, выглядит она трезвой.

Он помедлил.

— Она упоминала о криминальном прошлом?

— Да. Я не спросил о деталях, а сама она не стала углубляться.

— Это мне будет довольно просто узнать: такие данные открыты.

Мне самому было любопытно, но я решил подождать, пока она не расскажет все по своей воле.

— Ты говорил ей, что это годичная программа? — спросил Кевин, прерывая поток моих мыслей.

— Нет. Я не хотел слишком ее обнадеживать, пока не узнаю, есть ли у тебя свободное место.

Кевин выдохнул.

— Позвони ты всего полчаса назад, и мне пришлось бы тебе отказать. Но у нас здесь бескомпромиссный запрет на наркотики, а в комнате одной из проживающих мы обнаружили мет.

Меня впечатлило то, что я выбрал идеальный момент для звонка. Свободное место появилось в тот самый момент, когда в нем возникла нужда.

— Так я приведу ее на собеседование?

— Да, но твердо обещать ничего не могу.

Это само собой разумелось.

— Ясно. Я все равно ничего на этом не потеряю.

Мне было важно, чтобы Кевин понял: я не стану воспринимать отказ как некую личную обиду. Возьмут они Шей или нет, зависело только от нее и ее готовности работать круглые сутки в программе приобретения жизненных навыков.

— Если ее одобряют — отлично. Если нет, то я сделал все, что мог.

— Хорошо, — сказал Кевин. — Приводи ее сегодня днем, и я попрошу персонал сделать тесты. И нам понадобится несколько дней, прежде чем мы будем готовы принять ее в случае положительного решения.

Я сомневался, что Шей есть где ночевать, о чем и сказал Кевину. Мне была неприятна сама мысль о том, что ей придется провести ночь на улице.

— Я определю ее в один из приютов, пока мы не получим результаты тестов, — сказал Кевин.

— Я буду благодарен за любую помощь.

Кевин помолчал.

— Давно не виделись.

— Давно, — согласился я.

— Как ты, друг?

— Хорошо.

— Дрю. — Он не желал оставлять эту тему. — Как. Ты?

Я тоже помедлил. Когда-то мы с Кевином были близкими друзьями. Вместе ходили в семинарию, играли в баскетбол,

были шаферами на свадьбах друг друга. Но теперь я уже позабыл, когда мы в последний раз разговаривали.

— Пусто, — признался я, чувствуя себя полным неудачником. — Я в пустоте.

— Ты лично приведешь эту женщину сегодня после обеда?

— Да.

— Освободи себе остаток дня.

— Не могу, — возразил я. — У меня запланированы встречи. И вызван электрик к...

— Отмени все. Без возражений.

— Кевин...

— Отмени свои встречи.

Я застонал, отчаянно желая с ним поспорить. Ведь я целую неделю ждал этого электрика и не знал, сколько придется ждать его во второй раз. Более того, другая встреча тоже была важной. Я собирался пообщаться с Алексом Тернбуллом, одним из старейшин, который хотел обсудить со мной вопросы бюджета. Посещаемость церкви упала, пожертвования значительно сократились. Этот вопрос требовалось урегулировать.

Не то чтобы я с нетерпением ждал сокращения программ. Мы уже отказались от печати ежемесячного вестника, который мы рассылали прихожанам. Многие из них были весьма преклонного возраста и не пользовались компьютерами, так что с рассылкой новостей по электронной почте возникли проблемы. Мы сократили бюджет за счет услуг уборщиков и понизили температуру в церкви. Я не мог перестать думать о предстоящих мне сложных решениях.

По правде говоря, мне ничего так не хотелось, как избежать встречи с Алексом и обсуждения церковных финансов. Но дело было в том, что именно на моих плечах лежало тяжкое бремя этой ответственности.

— Что ты задумал? — спросил я прежде, чем начать спорить.

— Баскетбол, — сказал Кевин.

Слово буквально зависло в воздухе между нами. Нет, он наверняка шутил. И хорошо, что Кевин не мог меня видеть, потому что я возвел глаза к потолку.

— Я не могу отменить эти встречи только ради того, чтобы побегать с тобой по баскетбольной площадке.

— Еще как можешь. Есть такая штука, как самоподдержка. Готов ты это признать или нет, но ты в ней нуждаешься. И я не собираюсь выслушивать твои отговорки. Либо ты явишься сам, либо я лично приеду тебя забрать.

— В последний раз я играл в баскетбол много лет назад. — До того как у Кэти обнаружили рак. Даже раньше. Много лет назад. Я потерял навыки и форму. Кевин наверняка сделает меня на площадке. Вся моя жизнь вращалась вокруг церкви и семьи. То, что Кевин называл самоподдержкой, выпало из списка моих планов так давно, что я успел о ней напрочь забыть.

— Ты меня слышишь? — требовательно спросил Кевин. — Я сказал, что никакие возражения не принимаются.

Я вздохнул, признавая поражение. Мне был знаком такой его тон, и с него стало бы действительно появиться здесь и утащить меня с собой, словно строптивного подростка.

Я звонил ему ради Шей, надеясь, что Кевин сумеет ей помочь, и не ожидал ничего большего, кроме короткого телефонного разговора. Но все обернулось иначе.

Насколько я мог понять, Кевин был ответом на молитвы Шей. И на мои тоже.

Глава 3

Шей

Когда пастор Даглас рассказал мне о «Центре надежды», я не знала, что и думать. Я видела, насколько ограниченны мои возможности, и согласилась отправиться с ним, но ничего особенного от поездки не ожидала. Да и как я могла этого ожидать?

Когда мы прибыли на место, я вначале приняла это здание за отель. Я ведь предполагала, что «Центр» выглядит так же, как один из обычных ветхих приютов. Тех, где койки крепятся к стенам, а люди заранее выстраиваются в очереди, чтобы не упустить возможность получить горячую еду и место для ночлега. Я совсем не ожидала увидеть современное многоэтажное здание.

— Пастор... — Я остановилась, сомневаясь в том, что это нужное нам здание. — Это он? «Центр надежды»?

Я назвала его пастором, хотя думала о нем как о Дрю. Именно так он мне представился, и именно это имя засело у меня в голове.

— Вам что-то не нравится?

Я покачала головой, пряча изумление. Мы оба молчали по пути сюда, и я гадала, не сожалеет ли он о своем обещании мне помочь.

Мы нашли парковочное место сбоку от здания и зашагали в сторону входа. Я жадно вглядывалась во все вокруг. Заметила марширующую шеренгу дошколят в сопровождении трех взрослых. Дети весело подпрыгивали на ходу, держась за руки. Меня поразили их улыбающиеся лица. Я уже очень давно не слышала детского смеха. Ранее Дрю упоминал при мне, что «Центр надежды» принимает и матерей с детьми, и я задумалась, не из их ли числа эти малыши. Судя по тому, какими счастливыми они выглядели, едва ли.

Счастливыми. Радостными.

Я не испытывала радости, настоящей радости, уже так давно, что теперь, стоило мне заметить ее на лицах других людей, мне казалось, будто мне дали пощечину. Но не болезненную, а из тех, что приводят в чувство. С того момента, как я потеряла маму, в моей жизни не стало покоя и любви.

Как только мы вошли в здание, нас поприветствовала ресепшенистка, совсем как при поселении в отель. Вот только ключей от номера нам не дали. Вместо этого мы расписались в журнале и получили бейджи для посетителей. Я продолжала подозрительно оглядываться по сторонам, не зная, чего ожидать. В углу фойе стояла украшенная к Рождеству елка, под ней громоздились упакованные подарки.

Мое сердце забилося так, словно я бежала вверх по холму, и я знала почему. Я уже намекала на то, что в прошлом совершала ошибки, но я не упоминала, в чем они заключались. Дрю не был моим исповедником, и я совершенно не желала открывать ему — или, если уж на то пошло, кому-то другому — свою душу.

Я не гордилась отношениями, в которых состояла, особенно когда была подростком. Одной из причин, побудившей меня украсть деньги для Кейдена, была вина. Потому что это из-за меня брат подсел на наркотики.

Именно я познакомила его со Стрелком.

В то время Стрелок был моим парнем. Плохим парнем, причем старше меня, но я ему понравилась. До него никто и никогда не говорил мне, что я красивая, не считал, что я особенная. Стрелок так считал или, по крайней мере, говорил. И только гораздо позже я узнала, как он заработал свою кличку. Зато мне понадобилось совсем немного времени, чтобы понять: он — просто копия моего отца, только более молодая, и вместо алкоголя он употреблял мет и крэк-кокаин.

А когда он употреблял, то становился жестоким. Освободиться от него я смогла только после того, как его арестовали. И я получила свой шанс, в котором так нуждалась, и вцепилась в этот шанс обеими руками.

Стрелку не нравилось, что я ходила в школу, поэтому я бросила ее в выпускном классе, чтобы быть с ним. И как только его отправили в тюрьму, я постаралась получить свидетельство об общем среднем образовании. С помощью консультанта и с этим свидетельством в руках я искала работу, которая дала бы мне средства к существованию и способ сбежать от того, что я так отчаянно стремилась оставить позади. Должность кассира в банке была возможностью, о которой я едва смела мечтать, и я эту возможность упустила.

С треском.

Никто не собирался давать мне еще один шанс, и я не могла никого за это винить. Но все это давно миновало. Мне не стоило больше размышлять об этом.

Соседка по камере когда-то заверяла меня, что у меня появятся и другие шансы. Я ей не поверила. И все же я находилась здесь, на пороге своего неожиданного прорыва. И, сознавая, что моя история оставляет желать лучшего, я боялась, я с ума сходила от страха, что упусти и этот шанс.

Нам с Дрю велели присесть, и я примостилась на краешке дивана, а сердце стучало так громко, что я опасалась, как бы Дрю не услышал и не сказал что-нибудь по этому поводу.

Он посмотрел на меня и ободряюще улыбнулся.

— Ты в порядке?

— Конечно, — огрызнулась я, словно вопрос меня возмутил. Ложь далась мне легко, как всегда. Я сомневалась, что сумею расстаться с привычкой лгать. Что это вообще возможно.

Через несколько минут подошли двое. Мужчина и женщина.

Дрю поднялся, когда они приблизились. Мужчина улыбнулся Дрю, и они стукнулись кулаками, словно были братьями.

— Шей, — сказал Дрю, обращаясь ко мне, — это Кевин Форестер, директор «Центра надежды».

Я встретилась с ним взглядом и кивнула, показывая, что поняла.

— А это Лилли Палмер. Она будет заниматься твоим тестированием, — сказал Кевин, обращаясь ко мне.

Лилли смотрела на меня так, словно уже оценила и определила как недостойную. Ее взгляд пронизывал меня насквозь. Так вот, значит, как это будет.

Что ж, я могла справиться со всем, что она решит мне выдать. Ростки надежды, которые проклюнулись во мне, быстро увяли. Как бы безумно это ни звучало, мне хотелось взять Дрю за руку. Сама эта мысль меня поразила. Я не любила нить и умела сама о себе позаботиться. Чем и занималась с тех пор, как вошла в подростковый возраст. Я не нуждалась ни в нем, ни в ком-то другом.

К тому же я его едва знала и ничего для него не значила. Я ни для кого ничего не значила.

Дрю, словно прочитав мои мысли, мягко улыбнулся мне и похлопал по плечу.

— Ты отлично со всем справишься.

— Будь добра следовать за мной, — сказала Лилли без намека на тепло в голосе. Эта женщина была ледяной.

Расправив плечи и собрав всю свою решимость, я последовала за ней.

Через десять шагов я оглянулась и заметила, что Дрю и Кевин увлеклись разговором. Это тоже не было похоже на меня. Я в нем не нуждалась. И, к моему стыду, Дрю словно почувствовал мой взгляд, потому что посмотрел на меня и кивнул, как бы говоря, что волноваться не о чем.

Ага, конечно.

Лилли провела меня в небольшой кабинет и жестом пригласила садиться. Сама она расположилась по другую сторону стола и оперлась ладонями о столешницу, оглядывая меня с ног до головы.

— Как ты уже знаешь, меня зовут Лилли, — сказала она. — И мне нужно задать тебе несколько вопросов.

— Задавайте. — Я внутренне напряглась, но прикинулась хорошей девочкой.

— Я жду честности, Шей. Если я пойму, что ты мне лжешь, то автоматически исключу тебя из программы.

— Я не лгунья, — с обидой возразила я, что само по себе было ложью.

Лилли захихикала, словно знала обо всем вранье в моей жизни. Расслабленно откинувшись на спинку кресла, она посмотрела мне прямо в глаза.

— Я думаю, тебе стоит знать, что однажды я сама сидела в том кресле, полная бравады и агрессии. Моя жизнь трещала по швам. Я пристрастилась к наркотикам, алкоголю и плохим мужчинам. Я мчалась со скоростью в сотню миль в час по дороге к саморазрушению. И я уже пять лет как совершенно чиста и трезва. Если бы шесть лет назад ты сказала мне, что это вообще возможно, я рассмеялась бы тебе в лицо.

Я ожидала от Лилли каких угодно слов, только не этих.

— Это твой шанс действительно изменить свою жизнь, Шей. Твой *единственный* шанс. Мы здесь для того, чтобы сделать твой шанс реальностью, но как это будет, зависит только от тебя. *Все зависит только от тебя*. Если ты этого хочешь, тебе этот шанс и использовать. Если ты считаешь себя достаточно умной, чтобы меня обмануть, подумай еще раз. Ты считаешь себя умной, но я умнее. Ты не сможешь меня обмануть, так что даже не трать силы. Что бы ни привело тебя сюда, сейчас ты в нашем центре, и тебе предстоит сделать выбор. Выбирай вдумчиво. Или ты свернешь с пути саморазрушения, или продолжишь двигаться в прежнем направлении. Итак, что ты выберешь?

Ее слова были жесткими, а взгляд пронзал меня, как нож с зазубренным лезвием. Она ждала, и я сглотнула ком в горле. Лилли словно читала мои мысли. Мне было сложно признать, что мне нужна эта программа, что я хочу в нее попасть. Что я облажалась практически во всем, чего когда-либо хотела от жизни. Самым жалким образом все испортила. И никак не могла обещать, что в этот раз все будет иначе. Даже просто произнести это вслух казалось мне почти невозможным.

— Я хочу свернуть с плохого пути.

— Рада это слышать, хорошее начало. Каждая женщина, входящая в эту дверь, хочет лучшей жизни. А я здесь для того, чтобы сказать тебе: это не будет просто. Много раз тебе захочется все бросить, но если ты это сделаешь, ты вернешься

к тому, с чего начинала. Ты можешь добиться успеха, Шей, но именно тебе придется его добиваться. Ни одна из присутствующих здесь женщин не сделает это за тебя. А значит, тебе придется разрушить возведенную тобой стену, доверять другим, открыть свою жизнь и прожить ее честно, что, подруга, сделает тебя нагой и уязвимой.

Она замолчала, словно ожидая, что я вдруг начну благодарить ее. Вместо этого я сказала первое, что пришло мне в голову:

— Я тебе не подруга.

Лилли улыбнулась.

— Ты пока этого еще не понимаешь, но я лучшая из всех подруг, которые у тебя когда-либо были. А теперь ты готова отвечать на вопросы?

Я не осмелилась произнести это вслух, но тут же решила, что Лилли никогда не станет моей подругой. Знала я ее всего пару минут, и она мне уже не нравилась. Она была резкой и жесткой, чем напоминала некоторых тюремных охранниц. Благочестивых сучек. Развернувшись к компьютерному экрану, она положила пальцы на клавиатуру и принялась засыпать меня вопросами, печатая мои ответы. Она хотела честности, и она ее получила. Я ничего не стала скрывать. Прежде чем мы закончили, она знала обо мне и об истории моей семьи больше, чем кто-либо в мире, за исключением моего брата.

Я рассказала ей и о Стелке тоже, и о том, что он получил пожизненный срок. За что я была особенно благодарна судьбе, хоть этого тоже не произнесла вслух.

После того как закончился мой допрос, я сдала кровь и мочу на анализ.

— Ты же знаешь, что из тюрьмы меня выпустили только сегодня утром, так ведь? У меня даже не было возможности купить что-либо противозаконное.

Лилли рассмеялась.

— Кто захочет наркотиков и алкоголя, тот найдет их и внутри тюремных стен, и снаружи. Так что, даже если бы ты шаг-

Літературно-художнє видання

МАКОМБЕР Деббі
Усяка мрія здійснюється

Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *А. О. Колюбакина*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *О. Є. Шишацький*

Підписано до друку 16.02.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 16,8. Наклад 7500 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів на ПП «ЮНИСОФТ»
Свідцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р. www.unisoft.ua
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

UNISOFT

Литературно-художественное издание

МАКОМБЕР Деббі
Любая мечта сбывается

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *А. А. Колюбакина*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *А. Е. Шишацкий*

Подписано в печать 16.02.2018. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 16,8. Тираж 7500 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНИСОФТ»
Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г. www.unisoft.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

UNISOFT

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Життя Шей Бенсон не було схоже на ідеал. Рятуючи молодшого брата, який захопився наркотиками, дівчина потрапила у в'язницю. Здавалося, її майбутнє перекреслене. Але після виходу з в'язниці Шей зустрічає Дрю Дагласа. Чоловік нещодавно втратив дружину і залишився один із двома дітьми. Між Дрю і Шей зароджуються теплі, ніжні почуття і взаємна симпатія. За час знайомства вони стають опорою одне для одного. Ще один крок — і здійсниться мрія про справжнє щастя і кохання. Однак доля підкидає Шей і Дрю нові випробування. Їм доведеться подолати їх, не втративши найголовніше — любов і віру в свою мрію.

Макомбер Д.

М16 Любая мечта сбывается / Дебби Макомбер.— Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 320 с.

ISBN 978-617-12-4488-7

ISBN 978-0-399-18120-7 (англ.)

Жизнь Шей Бенсон была далека от идеала. Спасая младшего брата, который увлекся наркотиками, девушка попала в тюрьму. Казалось, ее будущее перекркнуто. Но по выходу из тюрьмы Шей встречает Дрю Дагласа. Мужчина недавно потерял жену и остался один с двумя детьми. Между Дрю и Шей зарождаются теплые, нежные чувства и взаимная симпатия. За время знакомства они становятся опорой друг для друга. Еще один шаг — и сбудется мечта о настоящем счастье и любви. Однако судьба подбрасывает Шей и Дрю новые испытания. Паре предстоит преодолеть их, не потеряв самое главное — любовь и веру в свою мечту.

УДК 821.111(73)